

Александр Громов

Сбросить балласт

*Часть сборника
Звездная вахта (сборник)*

Александр Громов
Сбросить балласт

«ЭКСМО»

2008

Громов А. Н.

Сбросить балласт / А. Н. Громов — «Эксмо», 2008

«...Какой нормальный человек пойдет во Внешний патруль по доброй воле? Нет таких. Ненормальный – другое дело. Но не всякий ненормальный, а лишь тот, для кого эта работа – трудотерапия. Его убедят, да и сам он вряд ли будет сильно противиться. Это ведь временно. А терять основную работу найдется мало охотников. Наша задача: патрулирование дальних задворков Солнечной системы. У каждого из нас есть свой сектор, а в секторе, кроме пустоты, – с десятков следящих автоматических станций да еще танкер-автомат для дозаправки. В поясе Койпера тьма-тьмущая ледяных глыб, иногда целых планетоидов, а в облаке Оорта их и того больше. Но расстояние! Но объем пространства! Разбросайте по мировому океану миллион шариков от пинг-понга, а потом вооружитесь пребольшим сачком и начните охоту на них – много ли выловите?...»

© Громов А. Н., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Часть I	5
1	5
2	7
3	8
4	10
5	11
6	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Громов

Сбросить балласт

Все это хлам, старина! Выбрось его за борт!
Джером К. Джером

Часть I

Репеллент

1

От них не было пользы.

От них не было особого вреда.

Они просто были. Реально существовали, являясь, впрочем, большой редкостью в тех частях Млечного Пути, куда проникали корабли землян. В свое время фанатичным исследователям природы этих существ пришлось гоняться за ними по всей Периферии и даже за ее пределами.

Случалось, фанатики науки гибли в этих догонялках. Космоиды не любили тех, кто пристает к ним слишком назойливо. И что в этом удивительного? Все живые существа делятся на тех, кому наглое приставание поперек горла, и тех, кому оно безразлично. Космоиды относились к первым, что косвенно свидетельствовало в пользу относительной высокоразвитости этих существ. Не кораллы какие-нибудь, не грибы-трутовики... Впрочем, наличия у космоидов интеллекта не предполагали даже самые смелые из ученых умов.

Животные. Просто животные, хотя и космические. С великолепно развитым навигационным аппаратом, сильнейшим стадным инстинктом и сложным социальным поведением. С отличным аппетитом и способностью жадно поглощать коктейль из электромагнитной энергии и релятивистских частиц. Поблизости от молодых нейтронных звезд, особенно магнетаров, нечасто встречающихся во Вселенной, и еще более редких сгустков Вайнгартена встреча с космоидами не только возможна, но и вероятна.

Ксенобиологи подвывали от радости и, потирая лапки, строчили заявки на гранты. Потом вышел запрет на активные методы исследования этой уникальной формы жизни. Допускалось лишь отгонять их от значимых для нас мест, для чего были разработаны кое-какие технические средства и тактические приемы. Любая сколько-нибудь заметная посуда несла теперь ГМ – генератор миражей, – создающий иллюзию целой эскадры, движущейся в походном порядке. Как правило, в ответ стада космоидов моментально перестраивались в оборонительный порядок и медленно отступали, позволяя в конце концов вытеснить себя из «нашей» области пространства. Эмпирическая формула, известная наизусть каждому пилоту, связывала расстояние до стада и количество особей в нем с максимально допустимой скоростью сближения при работающем ГМ.

Иногда формула врал, и тогда случались несчастья. Более сложные выкладки, «вбитые» в корабельные мозги, учитывали соотношение взрослых особей и подростков в стаде, но не могли учесть сиюминутного «настроения» вожака и его личных «психологических особенностей». Неудивительно: когда имеешь дело с живой материей, ни в чем нельзя быть уверенным.

С другой стороны, врагами космоиды не были. Они лишь хотели – не уверен, что глагол «хотеть» применим к ним в земном смысле, ну да ладно – плотно кушать и свободно пере-

мещаться от одной «кормушки» к другой. Чего еще ждать от животных? Не будь животному помехой, если оно сильнее тебя, – вот и весь рецепт, старый и проверенный. Не дразни слона. Не приставай к скунсу. Не попадайся ранней весной на глаза медведю. Не гляди с улыбкой в глаза самцу гориллы. Избегай водоемов, где резвятся аллигаторы. И так далее. В самом общем виде это правило формируется вполне банально: не будь идиотом, царь природы.

И тогда ничего с тобой не случится.

Ни один космоид не был пленен храбрыми, но, увы, не очень умными исследователями. А вот естественную смерть космоида однажды удалось зафиксировать во всех подробностях: хаотичные перемещения, смахивающие на броуновское движение в макромасштабе, затем полная неподвижность и распад. Удалось даже взять пробу из расширяющегося облачка диффузной материи, составлявшей «тело» космоида, – гидроксил, карбонилсульфид, моноокиси неметаллов, дейтерированный водород, гексатринил, цианодекапентин... всего более ста пятидесяти веществ, иногда довольно экзотических, но давным-давно открытых в межзвездной среде. Газ и мелкодисперсная пыль. Каким образом электромагнитные поля (а что же еще?) могли удерживать эту смесь в компактном, более того, живом и боеспособном состоянии – так и осталось неизвестным.

Похоже, исследователи уподобились тому подслеповатому ученому из анекдота, что анатомировал макаронину, приняв ее за червя.

Жизнь – сложная штука, и для ее поддержания нужны сложные молекулы, да еще работающие согласованно, как завод-автомат. Быть может, эти молекулы мгновенно распадаются при переходе космоида из живого состояния в мертвое. Не исключен и более экзотический вариант: жизненные процессы идут в космоидах не на молекулярном, а на субмолекулярном уровне.

В теоретических моделях недостатка нет. Жаль, что их практическая проверка натывается сразу на две трудности: запрет на активные методы исследования и нежелание космоидов быть исследованными. А чье желание или нежелание – закон?

Ну, ясно чье. Того, кто боеспособнее.

Впрочем, ходили и ходят слухи, будто бы в опубликованный отчет не попало и десяти процентов того, что было обнаружено на самом деле.

Слухи. Только слухи.

Я склонен им верить.

Но зуб даю: ничего радикально нового для защиты от космоидов не появится еще лет сто. Потому что если бы засекреченным яйцеголовым удалось вытащить из накопленного материала что-либо путное, то новые методы появились бы уже давно.

Видимо – пшик. Это бывает.

Говоря откровенно, космоиды – малая проблема. Уж очень они редки и проходят по категории экзотики. Если говорить об опасности для жизни, то вероятность сгинуть по любой из сотен тривиальных причин на три порядка выше, чем по причине экзотической.

Хотя прибор ГМ установлен и на моем кораблике. А равно и на ста тридцати пяти других посудинах Внешнего патруля. Приличного силового щита нет, а прибор ГМ есть. В общем-то, смешно, учитывая то обстоятельство, что со времени выхода человечества в космос ни один космоид не появлялся вблизи границ Солнечной системы. Так... перестраховка.

И совсем не смешно, когда событие, вероятность которого всегда считалась исчезающе малой, все-таки происходит.

Тогда поневоле начинаешь благословлять перестраховщиков.

2

– Ах, ты так, да?.. А я тогда вот так!

Темнеет в глазах от перегрузки. Наверное, меня вытошнило бы, не будь содержимое желудка тяжелым, как ртуть. А когда маневр уклонения заканчивается и возвращается легкость, меня уже не тошнит.

Странно. Обычно бывает наоборот. Но я вообще аномальный фрукт.

– Ты опять?..

Новый маневр. И еще один финт. Не будь мой кораблик оснащен cerebroуправлением, финт ни за что не удался бы. Поди-ка пофинти, когда не можешь шевельнуть пальцем, налитым не свинцом даже – осмием! И тогда противник накрыл бы меня, как неподвижную мишень. Но нет, мы еще повоюем...

Мысленно приказываю сменить картинку – корабли-миражи маневрируют, перестраиваются. Чужак сбит с толку, но всего лишь на несколько секунд. Сейчас он опять поймет, кто в стае настоящий, а кто – одна видимость.

Есть, есть у него какое-то чутье! И как все-таки хорошо, что космоиды неразумны!

Зато они могут вести огонь – если данный термин тут уместен – подолгу и без видимой усталости.

Готово – он понял, кто есть кто. Прямо в меня летит ослепительный плазменный шар. Не имею никакого желания проверять, выдержит ли защита моего кораблика прямое попадание. Думаю, что нет. Посудины класса «москит» создавались для патрулирования, а отнюдь не для серьезного боя.

Уворачиваюсь. Темнеет в глазах...

3

Какой нормальный человек пойдет во Внешний патруль по доброй воле? Нет таких.

Ненормальный – другое дело. Но не всякий ненормальный, а лишь тот, для кого эта работа – трудотерапия. Его убедят, да и сам он вряд ли будет сильно противиться. Это ведь временно. А терять основную работу найдется мало охотников.

Наша задача: патрулирование дальних задворков Солнечной системы. У каждого из нас есть свой сектор, а в секторе, кроме пустоты, – с десятков следящих автоматических станций да еще танкер-автомат для дозаправки.

В поясе Койпера тьма-тьмушая ледяных глыб, иногда целых планетоидов, а в облаке Оорта их и того больше. Но расстояние! Но объем пространства! Разбросайте по мировому океану миллион шариков от пинг-понга, а потом вооружитесь пребольшим сачком и начните охоту на них – много ли выловите?

Пусто в секторе. Ну, почти пусто. Область моего одиночного прозябания расположена высоко над эклиптической, но это почти ничего не значит. Вблизи эклиптики плотность ледяных тел – мусора, оставшегося от формирования Солнца и планет, – лишь немногим выше. «Снежки» и ледяные глыбы поперечником в несколько метров залетают в мой сектор сравнительно часто, но очень, очень мало здесь тел, достойных внимания. Для этого ледяная гора должна иметь не только приличную массу, но и определенный вектор скорости. От него зависит, может ли данный объект представлять хотя бы минимальную опасность для Земли и внеземных поселений. Чаще всего – нет. Устремится ледяной Монблан к Солнцу, окутается облаком газов, отрастит, пышный хвост на радость тем землянам, кто еще не разучился смотреть в небо, – и уйдет навсегда. Для нас ведь сотни тысяч лет – это навсегда, и только так.

Но если существует хотя бы ничтожная вероятность столкновения ядра кометы с Землей, Луной, Марсом и несколькими освоенными астероидами, если оно должно пересечь хотя бы одну космическую трассу, – в распыл ледышку! Мала, очень мала вероятность катастрофы, но не равна нулю. Комета Крячко наглядно показала это и заставила не жалеть средств на Внешний патруль. А Буэнос-Айрес пришлось оттаивать заново.

Автоматические станции засекают приближение объекта, но считается, что решение о его уничтожении должен принимать человек. Глыбу до пяти километров поперечником я уничтожу и сам; более крупный объект раздроблю или хотя бы собью «с пути истинного» ракетой с ядерной головкой, а там пусть автоматика считает новую эфемериду покалеченной ледяной горы. В девяноста девяти случаев из ста эта траектория окажется вполне безопасной. Беда в том, что взрыватели моих ракет рассчитаны на дробление ледяных гор – контактные, да еще и с замедлением. Они не сработают, пролетев сквозь облако газа и пыли, составляющее тело космоида.

Хотел бы я знать: что ему понадобилось возле Солнца?

Гм... возле? Пока не так, чтобы возле. Три расстояния от Солнца до Нептуна. Дальние задворки. Отсюда наше Солнце выглядит просто-напросто очень яркой звездой. Здесь темно, холодно и пусто. Надо быть сумасшедшим, чтобы подписаться на такую работу.

Или временно съехать с катушек.

С людьми моей профессии это случается. Межзвездные перелеты требуют времени, но, как правило, не настолько много, чтобы имело смысл погружать экипаж в анабиоз. Несколько недель, а то и месяцев в тесном обитаемом отсеке, пристыкованном к крупнейшей туше грузового корабля, – то еще удовольствие, я вам доложу. Самое ужасное: рядом всегда одни и те же рожи. И безобидные пороки хороших, в общем-то, людей, не пороки даже, а индивидуальные особенности, вроде привычки сопеть за едой, становятся невыносимыми. Так бы и врезал!..

Ну, терпишь какое-то время. Долго терпишь. Отворачиваешься, скрипя зубами. Загоняешь свою неприязнь поглубже, пытаешься отвлечься на что-то приятное... «Пора в патруль», – неуклюже шутишь, осознав, что по твоей вине возникла неловкость или растет напряжение в экипаже. И все знают: еще не пора, раз способен подтрунивать над собой. А сидящий внутри тебя мелкий бес смеется над твоими усилиями спасти самоконтроль и знай накручивает тебя, усиливая твою злобу до того, что однажды ты не выдержишь и...

И по прибытии в порт назначения перестаешь быть членом экипажа. Иных увольняют – иным, кто для Компании более ценен, предлагают пройти курс реабилитации.

Его смысл, кстати, совпадает с желаниями реабилитируемого: либо попасть в человеческую гущу, либо быть запертым в одиночной камере.

Сначала второе. Затем первое.

Невеликие потроха моего кораблика – чем не одиночная камера? От людей меня отделяют миллиарды километров. Сейчас мне совсем не нужны люди. Зато когда я затоскую по ним всерьез – а так и будет, хотя этот факт я готов принять лишь умом, – как раз подойдет к концу моя смена. И я начну считать дни и часы до возвращения на базу.

Потом – оплаченный Компанией отпуск на Земле. Субтропики. Пальмы. Пляжи. Шипение волн, накатывающихся на белый песок. На песке шезлонг, в руке коктейль, а вокруг очень много беззаботных людей, и среди них красивые женщины. Ни к чему не обязывающие слова, флирт, спортивные игры, дайвинг, серфинг, снова флирт под сенью пальм, и в самом воздухе витает что-то сиропное. Пусть рассудок твердит тебе, что фальшива такая жизнь, – наплевать. Да и не жизнь это вовсе. Это пробуждение к жизни.

Потом – снова в рейс. Может быть, даже в составе прежнего экипажа, хотя это скорее исключение, нежели правило. Но годится и прежний. К этому времени вновь пробудившегося к жизни пилота уже можно выпускать из клетки без намордника.

Со мной это случится еще не очень скоро. Пока что я лечу – и лечусь. Одиночеством.

То есть лечился до тех пор, пока автоматическая станция не засекала космоида...

Черное Ничто, и я – крупинка в нем. Иностранное включение. Хорошо, что Ничто не обладает эмоциями – ему глубоко безразлично мое присутствие в нем.

Можно поспать. Можно побеситься. Прекрасное занятие для мизантропа. Никому нет дела.

А еще можно послушать музыку.

Композиция называлась «Деление бесконечности на ноль» и была весьма тягостной. Самое то, чтобы ни о чем не думать. Раньше я слушал болеро Равеля – тоже помогало.

Так бы и продолжалось месяц, другой, а то и третий. Подозреваю, что Компания на моем простом ничем не теряет; ходят упорные слухи, что она сдает своих пилотов Патрулю внаем. Наверное, это правда – немного раздражающая, зато рациональная. Осознание господствующей в мире рациональности, а местами даже гармонии, отменно способствует врачеванию психозов. И темное Ничто обволакивает тебя, неслышно спрашивая: «Ну и куда ты рыпаешься? Зачем трепыхаешься, пылинка ничтожная?»

И знаете – помогает.

Ну не скотство ли это со стороны космоида – прерывать процесс лечения?!

Встретились два одиночества...

4

– Вот гад...

Во рту солоно – я ненароком прокусил себе губу до крови. На этот раз космоид едва не достал меня. Он очень целеустремленный космический гость, и «пшел вон» на него не действует.

Машинально наполняю пространство новыми кораблями-призраками. Как и в прошлые разы, это помогает ненадолго.

За каким чертом ему понадобилась наша Солнечная система, хотел бы я знать. Судя по тому, что мы знаем о космоидах, они питаются релятивистскими частицами, а велика ли их плотность близ Солнца? Такая же, как повсюду в Галактике. Частицы солнечного ветра вроде бы не несут достаточной энергии. Плотность жесткого излучения здесь тоже мала – Солнце не магнетар и никогда им не станет. Если космоид нуждается в пище, то зачем ему этот жиденький гомеопатический бульончик?

Псих, наверное...

Мысль плотно застревает в моей голове. Почему бы, собственно, чужаку не быть ненормальным? Иной раз и животное может взбеситься. Это все объясняет: и настырность, с которой космоид прет к Солнцу, и тот удивительный факт, что он явился один, а не с группой дружков. Бывало ли когда-нибудь, чтобы космоиды наблюдались поодиночке, а не группами, вернее, стадами?

Насколько мне известно – никогда.

Выходит, я открыл новое явление.

Тщеславная мысль о приоритете не успевает завладеть мною – опять приходится уворачиваться. Этак я сожгу всю горючку для плазменных двигателей, останутся только слабосильные ионные, а на них не пофинтишь. На них даже не смоешься – чужак не поймет, что я пытаюсь оставить поле боя, догонит и сожжет. Удивившись, что так легко это получилось, – если только природа, создавшая космических животных, должно быть, с жестокого похмелья, не забыла наделить их способностью удивляться.

Между нами говоря, я с удовольствием отказался бы от чести быть первооткрывателем явления. Потом мне, конечно, начнут объяснять, что мое теперешнее состояние как нельзя лучше подходит для встречи с таким вот феноменом природы... Потому что, дескать, я зол и не менее упрям, не забывая при этом беречь свою шкуру. Доля правды в этом есть – и все же я охотно предпочел бы одиночество и ватное безмолвие.

Теперь моя очередь. Ракеты чужака не берут, они его попросту не замечают, но плазменная пушка – иное дело. Жаль, что зарядов осталось мало. Зато перехват начинает удаваться. Космоид притормозил. Похоже, он не понимает, кто ему противостоит и чего ради. Громадный бык обратил внимание на лающую на него собачонку... роет копытом песок, косит исподлобья кровавым глазом...

Пора «тявкнуть». Два огненных сгустка уносятся в сторону чужого. От одного он уворачивается, второй цепляет «шкуру» противника по касательной. Булавочный укол. Но лучше, чем ничего.

И вновь мой черед уворачиваться...

5

– Тридцатый, слышим вас. Тридцатый, повторите свое сообщение.

Ага, отозвались. Наконец-то. Связь во Внешнем патруле поддерживается через радиоканалы – считается, что этого достаточно, несмотря на колоссальные расстояния. Сверхсветовые передатчики громоздки и дороги, их нет на наших кораблях, а в результате от вызова до ответа проходят десятки минут, если не часы.

– Я еще жив, – хриплю я.

В повторении моего первого сообщения нет необходимости. Вот оно: «Говорит Тридцатый. Вижу на экране неопознанный объект. Иду на сближение». И я рванул наперерез. А через несколько минут уже вопил изумленно: «Тридцатый вызывает Штаб! Это космоид! Одиночный космоид! Попытаюсь перехватить». Все время после этого передатчик оставался включенным, и в Штабе слышали мои междометия. Не все, а те, которые успели долететь. Некоторые еще летят.

И летят распоряжения в ответ. Пока долетело только первое.

Я закладываю сложную фигуру, известную среди пилотов как «кувырок Зильберта». Уж очень близко от меня пронеслись в прошлый раз огненные шары. Противник приноравливается к моему стилю пилотирования; пусть он животное, но животное, способное к обучению. Если не показывать ему новых фокусов, то рано или поздно он меня накроет.

Какая гадость этот кувырок... Если Зильберту нравилось выполнять его, то он патологический извращенец...

Но чужак бьет мимо. Я очень хорошо ушел.

– Жив... – шепчу я для Штаба. – Веду бой...

Выпустить еще пару зарядов из плазменников? Нет, позже. Заряды надо беречь.

Плазменное топливо, кстати, тоже. Его осталось не так уж много.

– Тридцатый! – оживает вдруг радио. – На связи полковник Горбань. Понял вас. К вам идет «Самурай». Оставайтесь в секторе, свяжите нарушителя боем.

Он не спрашивает: «Как поняли?» Пока я отвечаю (боюсь, что не очень молодец), да пока он получит ответ, пройдет столько времени, что для пользы дела лучше уж помолчать.

Но «Самурай» – это хорошо. Насколько я понимаю, это лидер класса «Рыцарь» – корабль весьма существенный, немногим уступающий ударному крейсеру. Космоиду придется туго.

Но пока туго приходится мне. Удрать с чистой совестью я смогу не раньше, чем расстреляю весь боекомплект плазменных пушек, и на последних остатках горючего.

Залп!

Цереброшлем хорошо фильтрует мыслительный мусор – в сторону противника стремительно летят два огненных шара, а не десять. Десяти там, скорее всего, уже нет...

Так и есть. Осталось четыре заряда. Продержусь ли я до подхода «Самурая»?

Вопрос.

6

– Тридцатый, я «Самурай», иду к вам. Расчетное время подхода – двадцать семь минут. Двадцать семь, значит... Уже хорошо, что не три часа, но все-таки много. Будет чудо, если я продержусь. Надо постараться. Погибать за просто так я не намерен. Откуда мне знать, что у космоида на уме?

Может, и ничего плохого. Но он вторгся туда, куда ему не следовало вторгаться. И я не в силах его отогнать. Я лишь заставил его притормозить, я преградил ему путь, но все равно мы медленно движемся в сторону обжитых мест Солнечной системы. По-видимому, он туда и стремится. Вопрос: зачем?

Нет ответа. Мы очень мало знаем о космоидах. Ксеноэтология – молодая и пока довольно бестолковая наука. Успев обзавестись сложнейшей терминологией, она не обзавелась главным: пониманием изучаемого предмета. Надавал явлениям неудобопроизносимых кличек – вот тебе и наука, и занимайся ею всю жизнь не без удовольствия. Иллюзия понимания сути. Многим достаточно и иллюзии.

– Запас топлива для плазменных двигателей на исходе.

Этот голос не услышат на «Самурае» – строго говоря, это вообще не голос, а набор электрических импульсов, что генерируется цереброшлемом прямо в слуховых центрах моего мозга. Оба мозга – мой и корабельный – при случае общаются псевдовербально. Наверное, в этом есть какой-то недоступный мне смысл.

Мозг моего «номерного» кораблика разговаривает приятным контральто. Этакая светская львица, зрелая красавица в бриллиантах и мехах, ниспадающих с роскошных плеч, отработавшая до автоматизма игру с примитивными мужскими страстями. С непременной победой над оными, конечно же. Я зову ее Камиллой.

Не Марусей же...

– Рекомендую немедленно вернуться на Базу, – сообщает Камилла с интимным придыханием.

Ну-ну.

Все работает в штатном режиме – будь иначе, Камилла сообщила бы мне об этом ледяным тоном обращения к лакею, не вовремя подавшему мороженое. Горючки мало, но она еще есть. Камилла просто перестраховщица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.